

Это не просто рассказ о походе.

Это поэма о двенадцати, о горах, богах и людях, о трудностях и радостях, о дружбе, силе и слабостях, о том, как в обычном маршруте рождается большое приключение. «Архызиада» — шуточный, но честный эпос о нашей реальности, увиденной сквозь призму античной поэтики: с Олимпом, героями, испытаниями и, конечно, горами, которые не прощают, но всегда зовут.

*Горы не любят людей,
беспольных в походном отряде*

Горы помнят

АРХЫЗИАДА

ПОЭМА
О ДВЕНАДЦАТИ
И ГОРАХ

АРХЫЗИАДА

Песнь о двенадцати,
ушедших за перевалы

Москва
2026

АРХЫЗИАДА

Песнь о двенадцати,
ушедших за перевалы

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ — 26 ИЮЛЯ

Совет бессмертных, похищение шести часов
и первый гнев Громовержца

ПЕСНЬ ВТОРАЯ — 27 ИЮЛЯ

Снежная наука

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ — 28 ИЮЛЯ

Колесница кавказского края

ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ — 29 ИЮЛЯ

Туман над Мингикельбаши и голос Псыша

ПЕСНЬ ПЯТАЯ — 30 ИЮЛЯ

Карбоновый посох и война с Псышем

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ — 31 ИЮЛЯ

Белореченское озеро и перевал Аюлю

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ — 1 АВГУСТА

Рассвет на Темир-Кулаке

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ — 2 АВГУСТА

Большая полуднёвка

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ — 3 АВГУСТА

Речепста и верховье Ацгары

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ — 4 АВГУСТА

Туман над Чиликом

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ — 5 АВГУСТА

Кынхара, Кяфар и месть Артемиды

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ — 6 АВГУСТА

Последние перевалы и возвращение к людям

ЭПИЛОГ

Ровно двенадцать пошли из Москвы покорять перевалы.
Каждый умел пригодиться, едва приходила невзгода:
Горы не любят людей, бесполезных в походном отряде.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

26 ИЮЛЯ

Совет бессмертных, похищение шести часов и первый гнев Громовержца

Муза, поведай о тех, кто покинул московские стены,
К югу направил свой путь, где София шумит меж утёсов,
Где над Архызом хребты подпирают высокое небо,
Где человеку дорогу сперва разрешают лишь горы.

Ровно двенадцать пошли из Москвы покорять перевалы.
Вождь их дорогу искал, но последним считал всю колонну.
Штурман держал направление, писец сохранял их деянья,
Медик здоровье берёг, реммастер — имущество смертных.
Каждый умел пригодиться, едва приходила невзгода:
Горы не любят людей, бесполезных в походном отряде.

Тяжкие ноши легли на усталые плечи героев.
Тенты, верёвки, горелки, припасы, аптечки и каски,
Сменные куртки, носки и немало полезного груза,
Также вещей, без которых прекрасно прожили бы дома.

Стоило сбросить рюкзак — и свободнее делался воздух;
Стоило снова поднять — мир сужался до узкой тропинки.
Каждый глядел на рюкзак, изумляясь безмолвно поклаже:
«Кто положил сюда столько? Не я же всё это собрал сам?»

Мойры молчали: давно им понятна природа туриста:
Вещь, без которой он может прожить, непременно берётся.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

26 ИЮЛЯ

Прежде Кавказа, однако, дорогу нарушили боги.
Зевс над Олимпом сидел, собирая неспешные тучи;
Рядом Гермес многоумный следил за земным расписанием.

Всё у героев готово: билеты, маршрут, снаряженье.
В срок появились они — неприличная смертному точность.
Тут многоумный Гермес обратился к владыке Олимпа:
«Зевс, собирающий тучи, взгляни на московских пришельцев!
Верят, что поезд придёт по часам и отправится точно.
Этак решат наконец, что Кавказ подчинён расписанью.
Надо слегка объяснить им устройство земного порядка».

Так он сказал. Усмехнулся отец и бессмертных, и смертных.
Поезд на шесть им часов задержал олимпийский веститель.
Шесть похищенных часов растворились меж рельсов и степи.
Тщетно искали пропажу герои в купе и вагонах.
Не было их ни в купе, ни в руках у вагонной хозяйки.
Сам же Гермес быстроногий давно уже мчался на юге.

Прежде Кавказа, однако, дорогу нарушили боги.
Зевс над Олимпом сидел, собирая неспешные тучи;
Рядом Гермес многоумный следил за земным расписанием.

Поезд на шесть им часов задержал олимпийский веститель.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

26 ИЮЛЯ

Поздно Таулу достигли; над соснами вечер сгушался.
Горы темнели вдали, заслоняя багряное небо.
Снизу София шумела, сбегая меж древних валунов;
Белая пена мерцала под сумрачной хвоею леса.

Только ступили на путь — Громовержец послал им ненастье.
Тучу на тучу собрал и открыл водяные затворы.
Ливень ударил по людям, по лесу, по скалам и тропам,
Будто хотел испытать, сколько влаги вмещается в людях.

Глина хватала ботинки, как Кирка — ахейских скитальцев.
Кирка меняла людей на свиней; этой глине — не вышло.
Ноги держала зато с убедительной цепкостью глины,
Так что ботинок порой расставаться хотел с человеком.

Только ступили на путь — Громовержец послал им ненастье.
Тучу на тучу собрал и открыл водяные затворы.

Глина хватала ботинки, как Кирка — ахейских скитальцев.
Кирка меняла людей на свиней; этой глине — не вышло.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

26 ИЮЛЯ

Вверх по Софии шагали. Река становилась всё громче.
Каждый ручей безымянный, едва различимый до ливня,
К вечеру мнил уже Псышем себя и бросался на тропу.

Склоны дышали водой, и потоки сбегали по камням.
Словно из чаши огромной Кавказ изливал свои воды
С неба на скалы, со скал на тропу, а с тропы — им в ботинки.

В каждом ботинке плескалось по малому морю Эгейскому.
Крепко к ногам прилегали носки, как походная стропа.
Боги способны на многое, кроме просушки ботинок.

Мост над Софией предстал, но вода побывала здесь прежде:
Паводок часть его вырвал, оставив железные кости.
Всё же мосток деревянный нашли над соседней протокой.

К ночи у фермы нашли для палаток удобное место.

Мост над Софией предстал, но вода побывала здесь прежде:
Паводок часть его вырвал, оставив железные кости.
Всё же мосток деревянный нашли над соседней протокой.

Ночью случилось иное, сперва неприметное дело.
Некто из путников меру забыл, докучая девице.
Видела всё Артемида, защитница дев и охоты.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

26 ИЮЛЯ

Тенты поставили быстро; промокшие вещи развесили.
Каждая ветка вокруг превратилась в походную сушку.
Куртки висели на стропах, носки украшали палатки,
Берцы стояли рядком, устремляя отверстия к Олимпу.

Утром носки осмотрели — носки сохранили всю влагу.
Так был открыт непреложный закон многотрудного странства:
Мокрое сохнет в горах исключительно в памяти после.

Ночью случилось иное, сперва неприметное дело.
Некто из путников меру забыл, докучая девице.
Та объяснила ему без пространной гомеровской речи:
Милость богини — одно, благосклонность девицы — другое.

Видела всё Артемида, защитница дев и охоты.
Бровь приподняла богиня, но стрел не достала из лука.
Мойры запомнили всё, не нуждаясь ни в книге, ни в знаках.
Кара бессмертных порой не спешит, но приходит исправно.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

27 ИЮЛЯ

СНЕЖНАЯ НАУКА

Э ос зарёй золотой над лесами врата отворила.
 Мир оказался другим, словно ночью его заменили.
 Снег засиял на вершинах, вода засверкала на листьях.
 Чистое небо легло над Софией бездонною синью.
 Там, где вчера непроглядная мгла опускалась на склоны,
 Солнце теперь обводило хребты золотыми краями.

Вышли герои на снег изучать ремесло восхождений.
 Каски надели; блестели в руках ледорубы стальные.
 Падать учились они, ледорубом смиряя скольжение,
 Шаг выбирать на снегу, различая морену и камень.
 Первый скользил и вставал; повторял это дело второй.
 Третий глядел на второго, чтоб первых ошибок не делать.

Даже Ахилл быстроногий, увидев подобное дело,
 Скорость сдержал бы и он: быстроногим полезна страховка.

Вышли герои на снег изучать ремесло восхождений.
 Каски надели; блестели в руках ледорубы стальные.

Падать учились они, ледорубом смиряя скольжение,
 Шаг выбирать на снегу, различая морену и камень.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

27 ИЮЛЯ

Хребет Чегет-Чат поднял их туда, где долина раскрылась.
Словно зелёная чаша лежала София под ними;
Выше белело седло между серых и снежных отрогов,
Снизу серебряной лентой река извивалась меж елями.

Горные воды Софии летели с высоких уступов,
Белые пряди летели, и брызги сияли на солнце.
Радуги вспыхнули там, где сквозь воду пробилось светило;
Грохот стоял под стеной, заглушая людские беседы.

Словно ткачиха ведёт по станку серебристую пряжу,
Нити бросая с высот и доверив их вольному ветру,
Так водопады летели, на белые нити дробились,
Чтобы внизу собираться опять и стремиться к Софии.

Долго смотрели герои, забыв ненадолго о ношах.

Хребет Чегет-Чат поднял их туда, где долина раскрылась.
Словно зелёная чаша лежала София под ними;

Горные воды Софии летели с высоких уступов,
Белые пряди летели, и брызги сияли на солнце.
Радуги вспыхнули там, где сквозь воду пробилось светило;

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

27 ИЮЛЯ

После вернулись к палаткам, где сохли вчерашние вещи.
Слово «сушились», однако, звучало бы слишком надменно.

Берцы стояли всё так же, раскрыв свои чёрные пасти.
К Фебу носок повернули: надежда ещё оставалась.
«Может быть, прежде не той стороною лежал он на солнце».
Феб промолчал: и бессмертному спорить с носками напрасно.

Так завершилось ученье. Афина смотрела спокойно:
Знала Афина: недаром страховке учились герои.

К Фебу носок повернули: надежда ещё оставалась.
Феб промолчал: и бессмертному спорить с носками напрасно.

Кончилась милость богов: на плечах снова выросли ноши.
Видно, ночами туда подсыпают бессмертные камни.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

28 ИЮЛЯ

Колесница кавказского края

Третью зарю принесла над долиной бессонная Эос.
Снова тяжёлые ноши легли на усталые плечи.
Кончилась милость богов: на плечах снова выросли ноши.
Сразу поход приобрёл настоящее горное свойство.

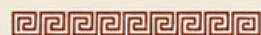
Некто, подняв свой рюкзак, удивился привычному чуду:
«Пищи становится меньше. Поклажа — нисколько не легче».
Все переглянулись молча: причина была очевидна.
Видно, ночами туда подсыпают бессмертные камни.

Мойры молчали в ответ, соблюдая служебную тайну.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

28 ИЮЛЯ

К Ак-Айры вышли.
Вода после ливней вздымалась у камней.
Бревно, что мостом им служило, вода унесла безвозвратно.
Там, где привычный проход над потоком лежал ещё прежде,
Белая пена кипела, ворочая тёмные глыбы.

Стали герои у брода.
Но боги не всякое дело
Требуют делать ногами, верёвками, потом и славой.

Вдруг показался УАЗ — колесница кавказского края,
Хриплым мотором гремя и качаясь на каменной почве.
Не быстроногие кони влекли колесницу по броду.
Правил машиной не древний возница ахейского войска —
Местный водитель держал старый руль совершенно спокойно.

Словно пловцы, истомлённые морем и долгою бурей,
Берег завидят вдаль, различая недвижные скалы,
Снова надеждой полны, хоть ещё не окончено море, —
Так оживились герои, увидев железную помощь.

В воду УАЗ погрузился, взметнув серебристую пену.
Шины скрывались в воде, но мотор продолжал своё пенье.
Так через бурный Ак-Айры прошли и герои, и ноши.

Пан на утёсе смотрел, удивляясь кавказскому зверю.
Много сатиров видал он, кентавров и коз быстроногих,
Но колесницы такой не держали конюшни Олимпа.

К Ак-Айры вышли.
Вода после ливней вздымалась у камней.
Бревно, что мостом им служило, вода унесла безвозвратно.

Вдруг показался УАЗ — колесница кавказского края.

Там на скалистом уступе возникли безмолвные козы.
Сверху глядели они на согбённых поклажею смертных.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

28 ИЮЛЯ

Дальше Иркиз поднимался над миром травы и деревьев.
Лес отступил; тёмный камень теснил луговые пространства.
Ветер свободно гулял по седлу, задевая их куртки.
Снежник блестел под ногами, стекая к зелёной долине.

Там на скалистом уступе возникли безмолвные козы.
Встали недвижно, как будто совет собирали о людях.
Сверху глядели они на согбённых поклажею смертных.

Люди несли ледорубы, палатки, верёвки и пищу,
Каски, аптечки, горелки, носки и запасные куртки,
Также немало добра, без которого жили бы дома.

Козы несли лишь рога — остальное считали обузой.
Пан козлоногий за камнем одобрил подобную мудрость.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

28 ИЮЛЯ

Вечером снежной оправой блеснули Озёра Софии.
Ветер затих, и вода засияла холодной гладью.
В зеркале вод отражались и небо, и белые пики.
Снег отражался так ясно, что трудно казалось поверить,
Где начинались вершины и где продолжалось небо.

Козы остались над станом, безмолвные жители склонов,
Людам на ночь уступив небольшую частицу владений.

Воды вокруг было вдоволь; помыться хотелось всё меньше.
Мыло лежало в мешке, как реликвия мирного века.

Козы остались над станом, безмолвные жители склонов,
Людам на ночь уступив небольшую частицу владений.

Мыло лежало в мешке, как реликвия мирного века.

Мингикёльбаши скрывался за белой стеною тумана,
Близкий почти — и закрытый холодной слепой завесой.
Долго смотрел предводитель на склон, исчезающий в тумане.
Рядом Афина стояла незримо, но слов не сказала.

ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ

29 ИЮЛЯ

Туман над Мингикёльбаши и голос Псыша

Э ос явилась опять; вместе с нею явились и козы.
Видно, проверить пришли, не остались ли смертные жить здесь.
После Кёль-Ауш поднялись туда, где кончалаась зелень.
Каменный мир начинался, безлесный, просторный и строгий.

Караджаш встретил их ветром и белой ползучею мглою.
Тучи цеплялись за гребень, текли через камень, как реки.
То возникала стена, то опять исчезала вершина,
Словно Кавказ открывал человеку лишь то, что захочет.

Мингикёльбаши скрывался за белой стеною тумана,
Близкий почти — и закрытый холодной слепой завесой.
Долго смотрел предводитель на склон, исчезающий в тумане.
Рядом Афина стояла незримо, но слов не сказала.

Что объяснять человеку, который и сам понимает?
Вниз повернули они, не затеяв напрасного спора.
Горы умеют стоять; подождут человека и завтра.

ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ

29 ИЮЛЯ

Озеро ниже лежало: Кувшинки в зелёной оправе.
В чаше вода неподвижно лежала под сумрачным небом.
Камень сменялся травой; появились кривые берёзы,
После высокие ели закрыли далёкие стены.

Тут из глубокой долины донёсся глухой непрерывный
Грохот, похожий на дальний раскат начинающей бури.
Псыш ещё скрыт был лесами, но голос его был повсюду.
Как Посейдон, рассердившись, вздымает пучину стеною,

В берег бросает волну и крушит почерневшие скалы,
Так и разгневанный Псыш перекатывал тяжкие камни,
Белую пеной хлестал, заливая прибрежные травы.
Воды его не текли — они словно стремились сражаться,

Каждый валун обнимая и тут же с него низвергаясь.
Гул заполнял всю долину, как голос речного владыки.

Как Посейдон, рассердившись, вздымает пучину стеною,
Так и разгневанный Псыш перекатывал тяжкие камни

ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ

29 ИЮЛЯ

Вечером люди учились искусству речной переправы:
Крепко вступая в поток и верёвкой страхуя друг друга.

Некто спросил: «Для чего нам сегодня так долго
учиться?»

Мойры смотрели безмолвно: назавтра ждала
переправа.

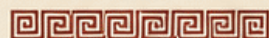
Вечером люди учились искусству речной переправы.
Мойры смотрели безмолвно.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

30 ИЮЛЯ

Карбоновый посох и война с Псышем

Вновь золотистый рассвет над долиною тронул туманы.
Вдоль многоводного Псыша дорогою двинулись люди.
Лес то скрывал его воды, то вновь открывал им долину.
Вскоре пред ними возник тот приют, что Басмач здесь поставил.

Перед приютом крутая тропа под ногами скользила.
Глина раскисла от ливней, коварно сползая под пяткой.
Там, на подъёме, внезапно сломался карбоновый посох.
Тихий тот хруст до Аида дошёл по подземным чертогам.

Мрачный владыка теней из глубин протянул свои руки:
«Посох отдай мне теперь: всё погибшее служит Аиду.
Много добра у меня от ходивших по горным дорогам:
Ложки, забытые ночью, носки, унесённые ветром,
Кружки, колышки, винты и обломки походных горелок.
Пусть же карбоновый посох украсит чертоги Аида!»

Посох с земли подняла мастерица, Аиду не внявши.
Спорить с владыкою мёртвых словами она почитала напрасным:
Вещи живых без борьбы не уходят во мрачные царства.
Только терпение и скотч — вот и всё, что ей нужно для дела.
Посох пока отложили: иное ждало испытанье.

Посох с земли подняла мастерица, Аиду не внявши.
Спорить с владыкою мёртвых словами она почитала напрасным:
Только терпение и скотч — вот и всё, что ей нужно для дела.

Вскоре увидели мост — или то, что мостом было прежде.
Две лишь опоры торчали, как зубы разбитой твердыни.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

30 ИЮЛЯ

Вскоре увидели мост — или то, что мостом было прежде.
Две лишь опоры торчали, как зубы разбитой твердыни.
Всё остальное река унесла в неизвестные земли.
Псыш между ними кипел, совершенно довольный собою.

Штурман с вождём вдоль воды выбирали пригодное место,
Ниже искали проход, где машина могла бы пробраться.
Псыш перед ними дробился на множество буйных протоков,
Каждая белой водой преграждала дорогу героям.

Снова пришли к тому месту, что прежде для брода избрали.
Мелкие русла прошли; основное гремело пред ними.
Две натянули верёвки, связав ими оба побережья.

30 ИЮЛЯ

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

30 ИЮЛЯ

Муза, воспой, как герои вступили в кипение Псыша!
 Ни об ахейцах пою, ни о меднолатных троянцах,
 Ни о копье Диомеда, ни о быстроногом Пелиде —
 Пой о двенадцати смертных, вступивших в холодные воды.

Каждый один выходил, принимая холодную ярость.
 Псыш ледяною водой ударял по коленям и бёдрам.
 Камни под стопами жили, качаясь в ревущем потоке.
 Верви тугие над Псышем служили опорой идущим.
 Псыш отпускал одного — и к другому уже обращался.
 Каждому ноги сбивал, не давая опоры под ними.
 Только верёвки молчали и делали верное дело:
 Редкая доблесть вещей состоит в исполнении службы.
 Берег один отпускал, а другой принимал человека.
 Десять прошли; за десятым на сушу ступил предпоследний

30 ИЮЛЯ

Муза, воспой, как герои вступили в кипение Псыша!

Десять прошли; за десятым на сушу ступил предпоследний

Встал предводитель и дальше пошёл по холодному руслу.
Вышел на берег последним — и снова двенадцать их стало.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

30 ИЮЛЯ

В ождь их один оставался ещё на начальном побережье. Первым дорогу искал, а последним считал он дружину. Так и у Псышша последним оставил начальный свой берег. В воду вступил он — и Псыш, разъярённый утратой добычи, Весь накопившийся гнев на последнего путника бросил. Ток ему ноги подсёк — и качнулся идущий над пеной. Тут натянулись верёвки, не дав ему рухнуть в пучину. Псыш взликовал, но героя потоку не выдали Мойры. Встал предводитель и дальше пошёл по холодному руслу. Вышел на берег последним — и снова двенадцать их стало. Так переправа свершилась; а Псыш ещё долго за ними Камнем гремел им вослед, не желая смириться с исходом. Даже Посейдон из моря услышав разгневанный грохот, Верно, сказал бы: «Довольно! Оставь человеку дорогу!»

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

30 ИЮЛЯ

После бессмертные вспомнили: смертному пища потребна.
 Вскоре хычин золотой перед ними дымился на блюде.
 Круглый, как щит, он сиял под горячим расплавленным маслом.
 Пар над хычином вставал, словно дым над священным Олимпом.
 После воды ледяной он казался амброзией чистой.
 Даже хитрец Одиссей, десять лет возвращавшийся к дому,
 Блюдо вкусив, позабыл бы на время родную Итаку.
 Весть Пенелопе понёс бы Гермес, быстроногий посланник:
 «Жди, Пенелопа, ещё: обстоятельства требуют часа».

К Белой под вечер герои дошли, наконец-то палатки поставив.
 Ночь опустилась на горы; а Псыш, пораженьем разгневан,
 Камни ворочал во мраке, не в силах простить им победу.

Вскоре хычин золотой перед ними дымился на блюде.
 Круглый, как щит, он сиял под горячим расплавленным маслом.
 Пар над хычином вставал, словно дым над священным Олимпом.

Там из-под камня студёный источник открылся героям.
Фляги наполнили ясной, холодной горной влагой.

Там мастерица над сломанным посохом снова склонилась,
Словно Гефест над доспехом трудился бы в жаркой кузнице,
Так и она над карбоном терпением спорила с роком.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

31 ИЮЛЯ

Белореченское озеро и перевал Аюлю

Утром над Белой взошла розопёрстая Эос-богиня.
Травы сияли росой, ручьи разбегались по камням.
Нижние струи не брали: следы от пастушьего стада
Ясно внушали героям искать родники ещё выше.

Выше тропа поднималась, и склон становился суровой;
Там из-под камня студёный источник открылся героям.
Фляги наполнили ясной, холодной горной влагой.
Там мастерица над сломанным посохом снова склонилась;
Первый ремонт не сдержал испытаний тяжёлой дороги.
Словно Гефест над доспехом трудился бы в жаркой кузнице,
Так и она над карбоном терпением спорила с роком.

Лента легла на излом, и втулкою стянутый посох
Снова воспрянул к дороге, Аиду добычи не давши.
Аид же, увидев починку, от посоха мрачно отрёкся.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

31 ИЮЛЯ

Белореченское озеро и перевал Аюлю

Снова двенадцать пошли, поднимаясь всё выше по склону.
Лес отступал за спиною, редели кусты и поляны.
Камень всё чаще являлся из трав, обнажаясь под небом;
Тропы вели их туда, где молчали суровые горы.

Озеро Белореченское в каменной чаше синело,
Тихо храня в глубине отражённые тучи и скалы.
Ветер едва шевелил его гладь серебристою зыбью;
Облако плыло в воде, повторяя свой путь в поднебесье.

Долго, однако, стоять не велели ни путь, ни погода.
Выше к седлу Аюлю поднималась горная тропа.
Выше сгущался туман, заслоняя далёкие гребни.
Травы редели, и вскоре морена легла перед ними,
Камнем сменяя зелёные склоны и мягкие травы.

После пяти облака опустились на горные стены,
Скрыли далёкие формы, оставив лишь камень ближайший.
Путь к перевалу терялся в густом и холодном тумане.
Меркнуло небо, и горы теснились всё ближе над ними.
Темир-Кулак отложили: седло поглотили туманы.
Разум полезней тщеславья, когда исчезает дорога.

Озеро Белореченское в каменной чаше синело,
Тихо храня в глубине отражённые тучи и скалы.

Выше к седлу Аюлю поднималась горная тропа.
Выше сгущался туман, заслоняя далёкие гребни.
Темир-Кулак отложили.

К этому дню аромат, что в двенадцати путниках вьелся,
Сделался столь основателен, что и лесные дриады,
Если б поднялись сюда из зелёных тенистых ущелий,
Мудро держались бы там, где навстречу им ветер не дует.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

31 ИЮЛЯ

Белореченское озеро и перевал Аюлю

Так у седла и разбили свой стан многотрудные люди.
Ноги гудели. Ботинки, конечно, опять не просохли.
Чай над горелкой кипел — величайшее дело вселенной;
Спальник сухой представлялся чертогом царя Менелая.
Тёплый носок — драгоценностью большей, чем золото Трои.

К этому дню аромат, что в двенадцати путниках вьелся,
Сделался столь основателен, что и лесные дриады,
Если б поднялись сюда из зелёных тенистых ущелий,
Мудро держались бы там, где навстречу им ветер не дует.

Сами герои давно с благовонием этим сроднились;
Нос человека велик, но привычка бывает сильнее.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

1 АВГУСТА

Рассвет на Темир-Кулаке

Прежде зари те двенадцать к Темир-Кулаку устремились,
Чтобы с высокого гребня узреть пробуждение солнца.
Ношу оставили в стане, с собою лишь малое взявши.
Небо на самом востоке едва начинало бледнеть им;
Темир-Кулак поднимался из тьмы недвижимой стеною.

Вот розоперстая Эос проснулась вдали над снегами,
Первая полоса света легла на восточные пики;
Следом одна за другою зажглись исполинские горы,
Словно бессмертный кузнец раздувал их огромные горны.

Тени лежали в долинах, а свет поднимался по склонам;
Синие в сумраке скалы серели под светом рассвета;
После на каменных гранях зажглось золотое сиянье;
Снег на вершинах пылал, и светлело высокое небо.

Так мореход, что в морях пережил разъярённую бурю,
Видит зарю над волной — за зарёю рождается берег;
Скалы и башни из мглы проступают одна за другою —
Так перед ними Кавказ поднимался из утренней бездны.

Молча стояли двенадцать; умолкли бы здесь даже музы:
Слов не прибавит иной красоте многословная песня.

Прежде зари те двенадцать к Темир-Кулаку устремились,
Вот розоперстая Эос проснулась вдали над снегами,
Следом одна за другою зажглись исполинские горы,
Словно бессмертный кузнец раздувал их огромные горны.

После к оставленной ноше спустились герои обратно.
Ждали внизу рюкзаки — неизменная кара похода.

Лунное озеро тихо меж серых отрогов дремало.
Гладь серебрилась, как будто Селена покинула небо.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

1 АВГУСТА

Рассвет на Темир-Кулаке

После к оставленной ноше спустились герои обратно.
Ждали внизу рюкзаки — неизменная кара похода.
Стоило только взвалить их на плечи — и лёгкость рассвета
Сразу сменилась знакомою тяжестью горной дороги.

Там Семицветное озеро краски меняло под солнцем.
Синим казалось в тени, а на солнце зелёным сияло;
Серым бывало под тучей, лазурью — под ясным простором.
Скалы над гладью стояли — и те же вставали под нею.

Дукка Большая в долине блестела, как пояс Ириды.
Травы к воде припадали, касаясь серебряных струй.
Лунное озеро тихо меж серых отрогов дремало.
Гладь серебрилась, как будто Селена покинула небо,
Но, уходя на Олимп, своё зеркало здесь позабыла.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

1 АВГУСТА

Рассвет на Темир-Кулаке

Долго шагали; усталость сгущалась сильнее тумана.
Даже бессмертный, пожалуй, к закату взмолился бы Мойрам:
«Мойры, пошлите полднёвку измученным горным скитальцам!»
Мойры молчали: в тот день полуднёвки героям не дали.

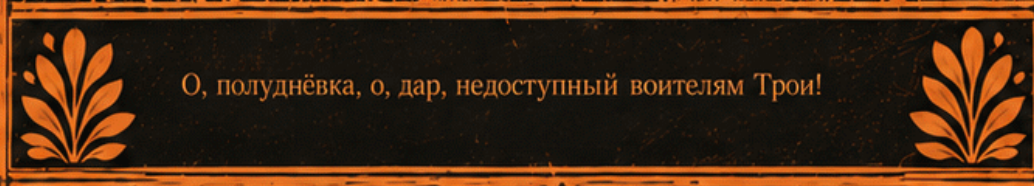
Солнце клонилось к закату, а путь всё тянулся по склонам.
К вечеру вышли к седлу, что Шалаева имя носило.
Белая мгла по седлу растекалась, скрывая вершины.
Сказка Кавказа внизу голубела в объятьях утёсов.

Там наконец они встали; и Гипнос, не ждавший призыва,
К каждому тихо пришёл, затворяя усталые веки.

К вечеру вышли к седлу, что Шалаева имя носило.
Сказка Кавказа внизу голубела в объятьях утёсов.
Там наконец они встали; и Гипнос, не ждавший призыва,
К каждому тихо пришёл, затворяя усталые веки.

О, полуднёвка, о, дар, недоступный воителям Трои!

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

2 АВГУСТА

Великая полуднёвка

С Малой Дукки с утра низошли они в дол многотравный.
Солнце стояло высоко, трава согревалась под светом.

К часу дневному разбили палатки, и чудо случилось:
Больше до завтра не нужно идти никуда человеку.

О, полуднёвка, о, дар, недоступный воителям Трои!

Десять годов под стенами стояли ахейские рати.
Муза нигде не сказала, что им полагалась полднёвка.

Можно рюкзак не надеть через четверть часа после снятия.
Можно ботинки разуть и ногам предоставить свободу.
Можно лежать на траве, не считая оставшихся метров.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

2 АВГУСТА

Можно носки разложить под лучами великого Феба.
Можно поверить опять, что когда-нибудь станут сухими.
Солнце до вечера било по ним беспощадным сиянием.
К ночи носки оставались немного сырее надежды.

Мыло лежало в мешке, как реликвия мирного века.
Баня казалась теперь лишь преданьем далёкой Эллады.
Встреть Навсикая их на пути у студёного брода,
Прежде велела бы мыться, а после вручала одежды.

Впрочем, лежать было славно.
Рюкзак не давил на лопатки.
Травы спокойно лежали, не ехали прочь из-под тела.
Камни вокруг не срывались, не рушились с грохотом книзу.
Кто-то бездумно следил, как ползут над вершинами тучи.
Кто-то сушил всё, что только способно хоть как-нибудь сохнуть.
Кто-то решил, что вставать ради кружки уже слишком трудно,
И попросил у соседа ногой пододвинуть посуду.

Так на траве возлежали герои, забыв о дороге,
Славы своей не утратив и ясного разума тоже.

Можно носки разложить под лучами великого Феба.
Можно поверить опять, что когда-нибудь станут сухими.

К ночи носки оставались немного сырее надежды.

Жаркое солнце уже над Архызской долиной сияло.
Дальше дорога вела через Речепсту к Верхней Ацгаре.
Шаг становился короче, а вдох — тяжелее и чаще.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

3 АВГУСТА

Речепста и верховье Ацгары

Э ос в девятый рассвет подняла над большою их Дуккой.
Жаркое солнце уже над Архызской долиной сияло.
Воздух дрожал над тропой; раскалялись открытые камни.
Дальше дорога вела через Речепсту к Верхней Ацгаре.
Шаг становился короче, а вдох — тяжелее и чаще.

В эти часы у туриста исчезнут ненужные мысли:
Мир состоит из подъёма, ботинка и нового шага.
Взор его прежде пленяют вершины, цветы и долины,
После — источник воды и протяжность крутого подъёма.
Ближе к концу остаётся простейшая мудрость земная:
Левой ногой совершается шаг, а за нею — другою.
Так многотрудный герой постигает устройство вселенной.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

3 АВГУСТА

После долина Ацгары легла перед ними широко.
Солнце ещё освещало зелёные склоны и травы,
Тучи меж тем обступали вершины тяжёлой толпою.
Медленно серая мгла нисходила с высокого гребня.
Горы сперва потеряли вершины, потом очертания;
Дальние склоны исчезли, за ними исчезло и небо.
Возле верховий Ацгары им вождь указал на стоянку.
Там ещё можно разбить было лагерь до полной завесы.

И совоокая дева Паллада с Олимпа к ним ныне не вышла:
Сами герои хранили в уме её прежние речи:
«Жизнью зазря не рискуй, если путь поглотили туманы».

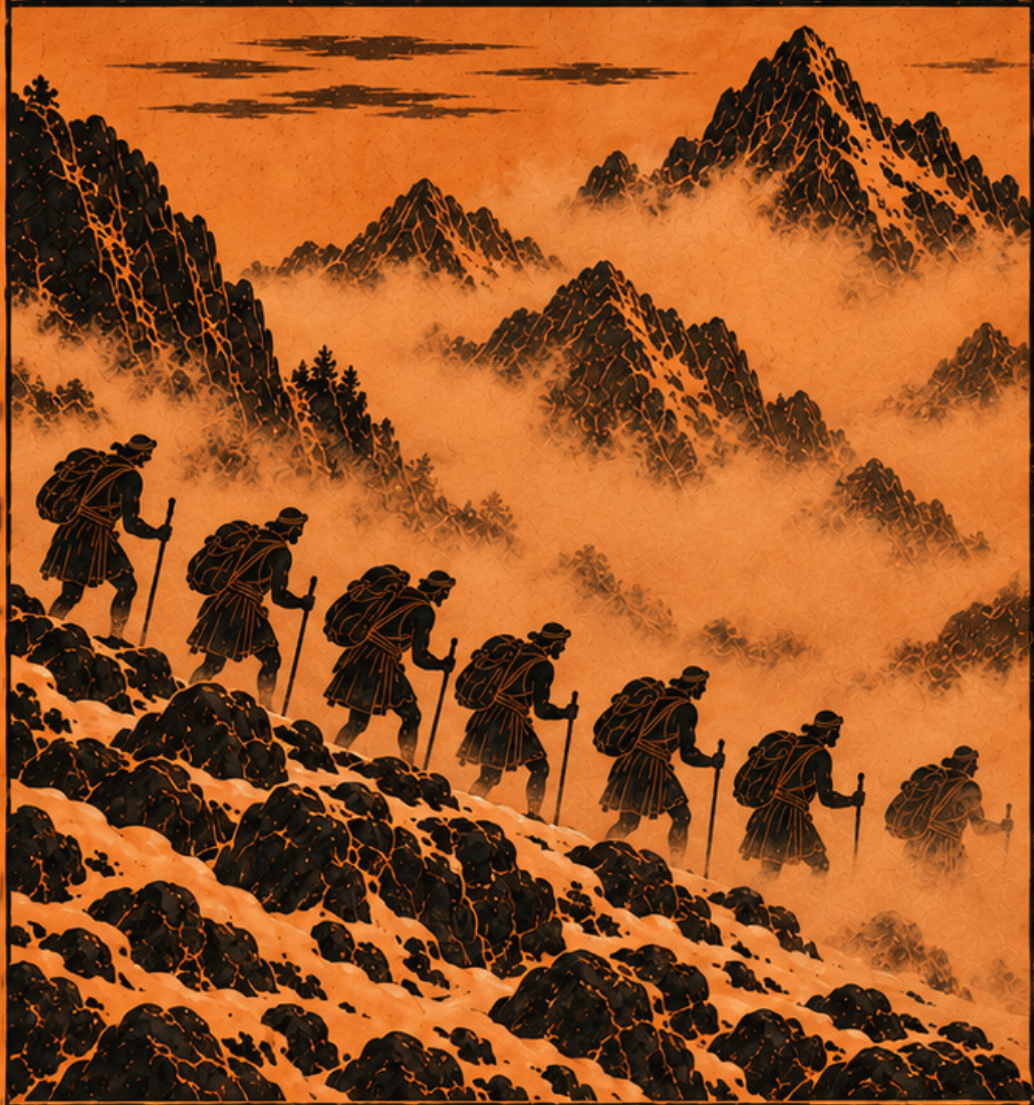
К вечеру облачный вал опустился в глубокую чашу,
Белою мглою наполнив ущелье от края до края.
Скрылись тропа и отроги, исчезли знакомые склоны —
Только шатры оставались приютом средь белого мрака.

После долина Ацгары легла перед ними широко.
Тучи меж тем обступали вершины тяжёлой толпою.

К вечеру облачный вал опустился в глубокую чашу,
Скрылись тропа и отроги, исчезли знакомые склоны —
Только шатры оставались приютом средь белого мрака.

К Чилику путь поднимался по каменным глыбам и снегу.
Ближе к полудню молочный туман опустился на склоны.
Видимость стала такой, что владыка высокого неба
Будто оставил от мира лишь несколько метров для смертных.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

4 АВГУСТА

Туман над Чиликом

Утром Ацгара осталась за спинами горных скитальцев.

К Чилику путь поднимался по каменным глыбам и снегу.
Ближе к полудню молочный туман опустился на склоны.

Мир постепенно сжимался вокруг многотрудного строя.

Первым исчез перевал, а за ним растворились утёсы.
Видимость стала такой, что владыка высокого неба
Будто оставил от мира лишь несколько метров для смертных.
Пять только метров порой различал человек сквозь завесу.

Камень вставал из тумана и снова скрывался во мраке.
Следом являлся другой, совершенно похожий на первый.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

4 АВГУСТА

Если бы Сизиф здесь жил, он впервые почувствовал б счастье:
Камней вокруг было столько, что свой отличить невозможно.
Ближний рюкзак становился важнее далёкой вершины.
Голос идущего рядом верней был старлинковской карты.

Словно корабль морехода, застигнутый белым туманом,
Больше не видит ни звёзд, ни земли, ни огней на причале,
Только плесканье у борта да голос кормчего слышит, —
Так и двенадцать держались, не дав никому затеряться.

К озеру Чилик спустились; вода под туманом темнела.
После обеда их вождь поглядел на седую завесу:
«Хватит сегодня пути — продолженье дожётся рассвета».
Спорить никто не пытался, взглянув на молочную бездну.
Даже герою предел полагают и боги, и ужин.

Если бы Сизиф здесь жил, он впервые почувствовал б счастье:
Камней вокруг было столько, что свой отличить невозможно.

К озеру Чилик спустились; вода под туманом темнела.
После обеда их вождь поглядел на седую завесу:
«Хватит сегодня пути — продолженье дожётся рассвета».

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

5 АВГУСТА

Кынхара, Кяфар и месть Артемиды

Утро холодное снова пришло многотрудным героям.
 Кынхара встретила смертных курумом, и снегом, и ветром.
 Выше в расселинах серых белели холодные снега,
 Ниже темнели долины под медленной облачной тенью.

За седловиной лазурная чаша открылась героям.
 Чистая гладь отражала безмолвные серые скалы.
 Озеро то Голубым нарекли не напрасно когда-то.
 Только у самой воды неподвижно лежал горный тур там,
 Словно уснувший навеки хозяин холодного плёса.
 Путники долго смотрели — и флаги остались пустыми.
 Смелостью смертные славны, но разум приходит порою.

Там Кызылчук меж зелёных лугов серебристо струился.
 Кяфар ему многоводный навстречу гремел из долины.
 Снова ручьи зазвенели, кругом зеленели отроги.
 Кяфар холодный сверкал, огибая гранитные глыбы.
 Вброд перешли его воды, ногами на камни ступая.
 Пена холодная билась о ноги, дробилась о камни,
 Но не сумела река задержать многотрудных героев.

Утро холодное снова пришло многотрудным героям.
 Кынхара встретила смертных курумом, и снегом, и ветром.

Кяфар холодный сверкал, огибая гранитные глыбы.
 Вброд перешли его воды, ногами на камни ступая.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

5 АВГУСТА

Выше Подскальное озеро в чаше гранитной таилось.
Путь к нему шёл по камням, по снегам, по безмолвным обломкам.
Белая мгла между тем опускалась всё ниже на горы;
Вскоре исчезли во мгле и отроги, и дальние стены.

Пять только метров порой оставалось от целого мира.
Ближний рюкзак возникал — и опять растворялся в тумане.
Голос идущего рядом был нитью надёжнее карты.
Словно корабль морехода, застигнутый белым туманом,
Больше не видит ни звёзд, ни земли, ни огней на причале,
Только плесканье у борта да голос кормчего слышит, —
Так и двенадцать держались, не дав никому затеряться.

К вечеру вышли к Подскальному; там, меж суровых утёсов,
Белая мгла над водой колыхалась, и гладь потемнела.
Тенты поставили быстро; туман окружил их стоянку.
Стужа уже подступала с холодных снегов и отрогов.

Белая мгла между тем опускалась всё ниже на горы;
Вскоре исчезли во мгле и отроги, и дальние стены.

К вечеру вышли к Подскальному; там, меж суровых утёсов,
Белая мгла над водой колыхалась, и гладь потемнела.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

5 АВГУСТА

Тут Артемида припомнила давнюю дерзость героя. Тот из героев, что в самом начале пути неразумно Спутнице ночью покоя не дал, докучая вниманьем, Долго считал, что проступок забыт и людьми, и богами. Смертные часто не знают, как долго бессмертные помнят.

Вдруг у героя внутри поднялась неистовая буря.
 Чрево восстало, отвергнув и ужин, и отдых, и спальник.
 Медик сказал: «Отравленье».
 Молчаньем ответили прочие.
 Каждый подумал одно, не нуждаясь в пространной беседе:
 «Вот Артемида и вспомнила долг».

Ночь опустилась.
 Едва забирался несчастный под спальник,
 Как неотступная сила опять поднимала героя.
 Он из палатки во тьму устремлялся стремительней ветра,
 К дальнему камню спешил совершать неизбежное дело.
 Снова являлся назад, замерзая в ночном одеянье,
 Снова ложился — и снова вставал через краткое время.

Тут Артемида припомнила давнюю дерзость героя.

Так между тентом и тьмой проходила дорога героя,
Много короче дневной, но суровее даже для духа.

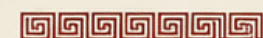

Ночь и для прочих была у Подскального вовсе не тёплой.
Стужа со снежников шла, ледяною рукою касаясь
Тентов, палаток и тех, кто пытался согреться под ними.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

5 АВГУСТА

Так между тентом и тьмой проходила дорога героя,
Много короче дневной, но суровее даже для духа.
Словно Гермес быстролётный с Олимпа нисходит на землю,
Волю бессмертных исполнив, обратно несётся на небо,
Так многократно герой исчезал и опять появлялся.

Только Гермес между рейсами всё же имел передышку.
Первый поход сосчитали, второй проводили глазами,
Третий ещё различили, четвёртый запомнили смутно.
После считать перестали — напрасно тревожить рассудок.
Даже и Мойры, должно быть, утратили нить исчисления.
Молча вдали Артемида следила за карой свершённой.

Что виновато на деле?
Вода, неудачная пища,
Случай, микроб или гнев целомудренной дочери Зевса —
Медик имел объяснение одно, у отряда — другое.

Ночь и для прочих была у Подскального вовсе не тёплой.
Стужа со снежников шла, ледяною рукою касаясь
Тентов, палаток и тех, кто пытался согреться под ними.
Август ещё зеленел далеко у низовьев Архыза,
Здесь же к рассвету вдоль берега лёд серебрился прозрачно.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

6 АВГУСТА

Последние перевалы и возвращение к людям

Э ос зарёю последней над чашей Подскального встала.
Мгла разошлась, и над гребнями чистое небо открылось.
Лёд у Подскального тонко сверкал по холодному краю,
Камень блестел от мороза под ранним безоблачным светом.

К Мылгвалу слева сперва поднимались по склону герои.
Слева навстречу им встали и лёд, и заснеженный камень.
Линию, где безопаснее склон пропускал человека,
Выбрали справа, оставив опасный заснеженный траверс.
Мудрый не тот, кто идёт напролом, презирая опасность.
Мудрый умеет свернуть, чтобы дальше продолжить дорогу.

Мылгвал остался за ними; вдали им Агур показался.
Снег полосами лежал меж седых исполинских обломков.
Ветер свободно ходил по открытым высоким пространствам.
Вскоре седло Федосеева вышло навстречу идущим.
Там перед ними Кавказ распахнулся последней картиной.
Гребни сходили волнами к зелёным далёким долинам,
Тени от облаков медленно плыли по склонам и лесу,
Солнце дробилось на камне, на снеге, в далёких потоках.

К Мылгвалу слева сперва поднимались по склону герои.
Слева навстречу им встали и лёд, и заснеженный камень.
Линию, где безопаснее склон пропускал человека,
Выбрали справа, оставив опасный заснеженный траверс.

Вдали им Агур показался.
Вскоре седло Федосеева вышло навстречу идущим.
Там перед ними Кавказ распахнулся последней картиной.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

6 АВГУСТА

Сзади остались туманы, озёра и Псыш многоводный,
София, Дукка, Ацгара, Кяфар и Подскального холод.
Столько пространства прошли, что на карте казались мало;
Ноги, однако, имели своё представление о мере.

Двум героиням колени всё громче зывали к пощаде.
Долгие дни тяжким грузом легли на усталые ноги.
Вождь их взглянул на людей и на вниз уходящую тропу,
Так обратился ко всем, обернувшись на ветреном гребне:

«Не для того над ревущим Псышом натянули мы верви,
Не для того из тумана двенадцать сюда добрались мы,
Чтобы на спуске последнем здоровьем своим расплатиться.
К станции выйдем теперь; пусть иная дорога дождётся».

Так он сказал; и двенадцать без спора направились дальше.

Двум героиням колени всё громче зывали к пощаде.
Долгие дни тяжким грузом легли на усталые ноги.

Вождь их взглянул на людей и на вниз уходящую тропу.
Так обратился ко всем, обернувшись на ветреном гребне:
«К станции выйдем теперь; пусть иная дорога дождётся».

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

6 АВГУСТА

По Абишира-Ахубе вдоль гребня направились люди.
Там уже веяло лесом и близостью мирного края.
Там завершилась дорога, которую мерили шагом.

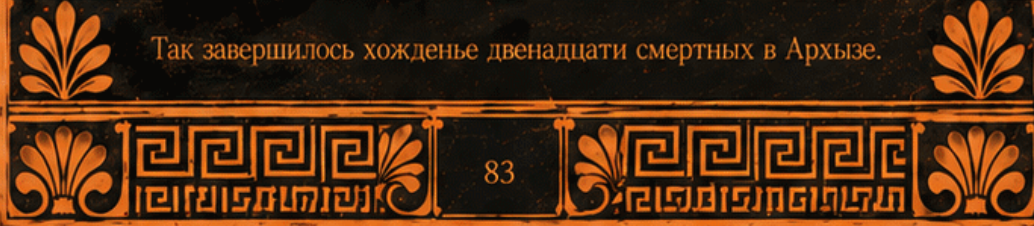
И неожиданно кресла канатной дороги явились,
Тихо плывущие сверху, не знавшие брода и камня.
О вы, парящие кресла, Гефеста искусного дело!
Поздно явились вы людям, но всё же явились к финалу.

Словно Афина порой многоумного мужа спасает,
Тучей его окружив и из битвы уводит незримо, —
Так подхватили двенадцать безмолвные кресла «Орбиты»,
Вниз понесли над лесами, не требуя больше ни шага.

Странно сидеть над землёй, позабыв тяжесть долгого шага.
Странно глядеть на ботинки, которым не надо трудиться.
Странно увидеть людей в совершенно не мокрой одежде.
Странно припомнить, что воду возможно использовать в душе.

И неожиданно кресла канатной дороги явились,
Тихо плывущие сверху, не знавшие брода и камня.
Так подхватили двенадцать безмолвные кресла «Орбиты»,
Вниз понесли над лесами, не требуя больше ни шага.

Так завершилось хождение двенадцати смертных в Архызе.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

6 АВГУСТА

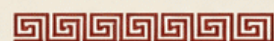

Лес проплывал под ногами; внизу появлялся Романтик.
Крыши, машины, дороги лежали спокойно в долине.
Люди гуляли внизу, не следя за движением тучи,
Не вопрошали друг друга, где брод и где чистый источник.
Не выбирали площадку под тент, не искали морену,
Не умирляли с утра непокорный походный свой спальник.
Не проверяли носки, выясняя, насколько просохли.
Мир показался героям немного неправдоподобным.
Так завершилось хождение двенадцати смертных в Архызе.

ЭПИЛОГ

Муза, не верь человеку, пришедшему с горного странства,
Если у двери рюкзак он бросает и клятву приносит:

«Зевс мне свидетель! Довольно дождей, мокрых троп и тумана!
Пусть Мингикельбаши ждёт под холодной тучей другого!
Псыш многоводный пускай без меня над камнями грохочет!
Больше вовек не надену на плечи проклятую ношу!
Буду купаться всегда! И носки не увидят уж влаги!»

Так говорит человек. Но бессмертные тихо смеются:
Знают бессмертные: память людей удивительно кратка.
Месяц пройдёт. Позабудется дождь и размокшая глина.
Берцы, где целое море Эгейское прежде плескалось,
Станут предметом весёлых рассказов за тёплой кружкой.
Тяжкий рюкзак обратится в почти невесомую ношу.
Даже отсутствие душа припомнится подвигом славным.
Запах двенадцати смертных легенда укроет туманом.

Муза, не верь человеку, пришедшему с горного странства,
Если у двери рюкзак он бросает и клятву приносит:
Больше вовек не надену на плечи проклятую ношу!

ЭПИЛОГ

Снова София предстанет сверкающей лентой в ущелье.
 Снова Иркиз под лучами блеснёт серебристым покровом.
 Снова Озёра Софии блеснут в белоснежной оправе,
 Козы над ними безмолвно замрут на суровых уступах,
 С прежним презреньем оглянут людей и людскую поклажу.
 Мингикёльбаши возникнет прекрасной вершиной за тучей.
 Псыш загремит вдалеке, но теперь уже станет преданьем.
 Озеро Белореченское вновь под Аюлю заблещет.
 Вновь над Темир-Кулаком розоперстая Эос восстанет.
 Вновь Семицветное вспыхнет, как пояс небесной Ириды.
 Лунное следом блеснёт серебром в обрамлении камня.
 Сказка Кавказа вдали засинеет меж серых отрогов.
 Чилик возникнет из мглы; за Кяфаром поднимутся стены.
 Лёд у Подскального станет красивым преданием утра.
 Посох карбоновый вспомнят — Аид не дождался добычи.
 Скотч обретёт в тех рассказах величье оружия божьего.
 Хычин горячий займёт своё место у пищи бессмертных.
 Старый УАЗ — среди славных кавказских железных героев.
 Тот же несчастный, что ночью ходил от палатки до камня,
 Сам он позднее ту ночь перескажет как подвиг великий.
 Счёт переходов увеличит, быть может, для славы потомкам:
 Так возникают легенды — сперва человеку неловко,
 После смешно, а позднее уже величайшее дело.

Снова Озёра Софии блеснут в белоснежной оправе,
 Мингикёльбаши возникнет прекрасной вершиной за тучей.
 Псыш загремит вдалеке, но теперь уже станет преданьем.
 Озеро Белореченское вновь под Аюлю заблещет.
 Вновь над Темир-Кулаком розоперстая Эос восстанет.

Тот же несчастный, что ночью ходил от палатки до камня,
 Сам он позднее ту ночь перескажет как подвиг великий.

ЭПИЛОГ

Если за пиром однажды раздастся негромкое слово:
«Что, не пора ли опять посмотреть, как стоят наши горы?» —
Станет внезапно безмолвно вокруг многолюдного стола.

Взоры тогда обратятся к вождю; он потянется к карте.
Медленно карту раскроет, разгладит знакомые складки.
Штурман приблизится к карте; реммастер припомнит свой посох.
Кто-то о броне напомним, другой — о тяжёлой поклаже.
Кто-нибудь вспомнит туман и Подскальное белое утро.
Тот, кого ночью суровая дева карала расстройством,
Молча решит, что приличье полезно не меньше страховки.
Муза тогда улыбнётся: ей ведомо всё остальное.

«Что, не пора ли опять посмотреть, как стоят наши горы?»

Время уносит людей, но бессмертные горы всё ждут их.
Снова на юг позовут их знакомые снежные стены —
Ибо уходят герои, но горы вовек не уходят.

ЭПИЛОГ

Снова из шкафа достанут рюкзак многотрудные руки.
Снова железные боги назначат вагон и дорогу.
Снова Гермес быстролётный посмотрит на стрелки вокзала.
Зевс соберёт где-нибудь над хребтами тяжёлую тучу.
Пан приготовит козлов; Посейдон — многоводные реки.
Гелиос тщетно опять будет сушить походные берцы.
Дева-охотница вспомнит, кто меру забыл перед нею.
Мойры проложат маршрут, хоть никто не просил их об этом.
Море зовёт морехода, а путника — снежные стены.
Время уносит людей, но бессмертные горы всё ждут их.
Снова на юг позовут их знакомые снежные стены —
Ибо уходят герои, но горы вовек не уходят.

